

Г.В. Разинский, Е.С. Якушева, О.А. Бурова

Российская семья в контексте кризиса

Если подсчитать частотность употребления в последние несколько месяцев тех или иных повторяющихся клише, слово «кризис», несомненно, займет одно из первых мест. И как обычно в таких случаях бывает, реальное значение применяемого термина если не теряется, то во всяком случае размывается и девальвируется. Поэтому есть смысл определиться как с самим понятием, обозначающимся этим словом, так и с границами его применения.

Во-первых, необходимо учитывать, что кризис не сегментируется только сферой финансово-экономических отношений и сектором реального производства, он охватывает практически весь спектр социальных отношений.

Во-вторых, доминирование рыночных отношений и лидирование в них тех стран, которые относятся к наиболее развитым, не отрицает влияния иных, присущих данному обществу проблем и противоречий, вносящих свою «лепту» в развертывание кризиса в рамках данной государственной общности.

И, наконец, в-третьих, кризис являет собой не только и не столько индикатор неэффективности (хотя и это тоже) сложившейся системы (неважно, экономической, политической или культурной), сколько знаменует собой прохождение некоего этапа в ее (системы) развитии.

Это своего рода спусковой крючок, нажатие на который (развертывание кризиса) активизирует процессы, ранее подспудно развивавшиеся в данной системе, отражающие ее противоречия и обозначающие способы их преодоления. Следовательно, кризисы в данном контексте выполняют роль адаптирующих инструментов, позволяющих тому или иному социальному институту, той или иной социальной общности интегрироваться в новые социальные реальности.

Показательным примером, подтверждающим высказанные выше суждения о кризисе и его ипостасях, является современная российская семья и процессы, протекающие в сфере семейно-брачных отношений.

Современную российскую демографическую ситуацию определяют обычно как кризис, проявлениями которого являются: очень низкая рождаемость, высокая смертность, большая естественная убыль населения, бы-

строе старение населения, большая разница в средней продолжительности жизни мужчин и женщин, большие перемены во всей сфере брачно-семейных отношений сравнительно с недавним прошлым. Подобный демографический сценарий развития российского общества при отсутствии управленческого воздействия на него при самых пессимистических ожиданиях влечет за собой, в конечном счете, неизбежное старение населения, а следовательно, и существенное его сокращение. Конечно, стабилизация демографической ситуации, а в идеале – и ее качественное и количественное совершенствование, есть не только прерогатива политического руководства страны, но и самих граждан. Ведь институционально-правовые преобразования малоэффективны без их непосредственного претворения и реализации в поведенческих практиках самого населения. Отсюда, главными аспектами, сторонами формирующейся демографической политики является регулирование процессов рождаемости, смертности и миграции. Если два последних процесса так или иначе поддаются управленческому воздействию и влиянию за счет совершенствования систем организаций и учреждений, ответственных за их функционирование и осуществление, то процесс рождаемости, хоть и находится в той или иной зависимости от социально-экономической ситуации как в стране в целом, так и в отдельных регионах, все же имеет под собой социокультурный фундамент, выражающийся, в частности, в отношении к семье, семейным ценностям, к правилам и нормам семейного общежития. Поэтому неудивительно, что семья выступает одним из главных объектов демографической политики и одной из целей-задач ее провозглашается «всестороннее укрепление института семьи как формы наиболее рациональной жизнедеятельности личности и ее нормальной социализации» (в проекте концепции).

Семья выступает своеобразным гарантом стабильного функционирования и развития общества, поскольку она регулирует взаимоотношения между индивидами и выполняет роль посредника во взаимодействиях индивидов и общественного целого. Семья как объект познаний, как конкретный эмпирический объект есть, с одной стороны, малая группа, а с другой – социальный институт, т.е. семья одновременно обеспечивает реализацию индивидуально-личностных начал своей жизнедеятельности и выступает субъектом социального контроля, выполняющим разнообразные общественные функции, регулирующие взаимоотношения общества-государства и отдельных граждан (функции семьи по отношению к обществу, функции общества по отношению к семье и функции общества и семьи по отношению к индивиду).

Взаимодействия и взаимоотношения общества и семьи двусторонние. Те или иные преобразования в обществе влияют на семью, приводят к ее институциональному, структурному изменению, к улучшению или, напротив, ухудшению ее количественных и качественных характеристик. Семья в лице конкретных членов общества, изменяя приоритеты в своем функционировании, изменяя структуру своей жизнедеятельности, свой образ жизни, влияет на структуру рынка труда, в целом на производственно-экономическое развитие страны, на воспроизводство населения, на воспитание подрастающих или будущих членов общества и др. Учет данного взаимовлияния и взаимообусловленности семьи и общества крайне важен для исследования демографической ситуации в стране и ее последующей корректировки.

Итак, семья выполняет в обществе множество разнообразных и важных социальных функций, именно она обеспечивает демографический баланс в обществе, моральное, физическое, психологическое здоровье нации, успешное функционирование всех его институтов. Однако сегодня реальная картина развития института семьи выглядит не столь оптимистично, как хотелось бы. С начала 1990-х годов наблюдаются процессы депопуляции. Смертность превышает рождаемость, что приводит к сокращению численности россиян. Помимо сверхнизкой рождаемости и сверхвысокой смертности демографическую ситуацию обостряют рост числа разводов и снижение уровня брачности.

В частности, по данным статистики¹ по Пермскому краю в сфере семейно-брачных отношений наблюдаются следующие негативные явления (с точки зрения функционирования семьи как социального института):

- за период с 2005 по 2007 год увеличилось число регистрируемых браков (на 26,9 %), но при этом увеличилось и число разводов (на 23,6 %), что фактически нивелировало наметившуюся позитивную тенденцию. По состоянию на 2007 год на 1000 населения приходится 8,3 брака и 4,5 развода;
- рост числа разводов выступает своеобразной лакмусовой бумажкой, фиксирующей понижение ценности семейно-брачных отношений. Кроме того, в 82 % распавшихся семей имеются несовершеннолетние дети;
- за период с 2000 по 2007 год несколько улучшились показатели рождаемости и смертности, однако несмотря на это, доминантная линия

¹ Социальный паспорт населения Пермского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.humag.perm.ru; Материалы сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gks.ru.

развития осталась прежней: естественный прирост населения имеет отрицательное значение, т.е. идет процесс естественной убыли населения (в 2007 году он составил –3,6 чел. на 1000 чел.);

- около половины (43,6 %) рожденных в 2007 году являются внебрачными детьми, это свидетельствует не только о трансформации семейных структур, когда заключение брака не является важной составляющей семейных отношений (из семьи исключается элемент супружества), но и о гибкости, толерантности общественного мнения в отношении подобных условий рождения и воспитания детей, об изменении норм семейной жизни;

- хотя за период с 2005 по 2007 год число абортс снизилось с 51,2 до 46,2 % на 1000 женщин фертильного (репродуктивного) возраста, основная масса которых пришлось на женщин в возрасте 20–34 лет, крайне негативным явлением стало то, что за сравниваемый период времени увеличилось с 10,6 до 33,6 % число абортс среди девушек 15–19 лет, т.е. абортс в нашем регионе носят все более ранний характер, что отрицательно сказывается на здоровье женщин – потенциальных матерей. Сегодня число абортс продолжает превышать число родов – соответственно 107 и 100;

- хотя за период с 2005 по 2007 год на 13 % уменьшилось число семей, находящихся в социально опасном положении, а доля числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общем числе детей составляет 3,9 %; 80 % таких детей являются социальными сиротами, т.е. сиротами при живых родителях.

Все отмеченные выше тенденции имеют некоторую положительную динамику, т.е., например, идет на убыль количество абортс, число вновь выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, увеличилось число рождений. Однако эти количественные сдвиги не привели к смене, так сказать, генеральной линии развития, т.е. количество не перешло в качество, и процессы депопуляции, а вместе с ними и трансформация поведения населения в семейно-брачной сфере, продолжают движение в отрицательную сторону. Вместе с тем распространение подобных норм репродуктивного поведения, брачности и правил поведения в семье есть показатель смены ценностных приоритетов, когда на фоне роста значимости образования, материального успеха, карьеры, личной свободы и т.п. происходит постепенное ослабление ценности детей и семейного образа жизни. Являясь показателем более толерантного отношения общественного мнения к девиантным формам семейно-брачных от-

ношений, это приводит к разбалансировке данной сферы, а следовательно, и к дестабилизации демографической ситуации.

Причины сложившейся обстановки одни ученые-исследователи связывают с социально-экономическими преобразованиями в нашей стране, с самим трансформационным процессом, траектория которого коснулась всех сфер жизнедеятельности общества и косвенно или непосредственно изменила основы их функционирования. Другие связывают данные изменения с процессом модернизации всей системы общественных отношений, с процессами урбанизации и индустриализации. По мнению этих ученых, изменения института семьи можно рассматривать как кризис только в сравнении с его прошлым состоянием, сейчас же это *новый этап его развития*, поэтому изменения характера и способа ведения домохозяйства, внутрисемейных отношений, репродуктивного поведения, структуры и размера семей, этических норм в отношении брака и развода и т.д. необходимо воспринимать как качественно новый этап исторического развития семьи как малой группы и социального института. Точкой пересечения этих двух подходов является то, что в обоих случаях изменение семьи, ее норм и ценностей есть процесс ее адаптации к современным условиям общественного бытия, которым соответствует определенный уровень социально-экономического развития российского общества, т.е. определенный этап исторического развития.

Результаты многих социологических исследований и демографических прогнозов (отечественных, зарубежных, ООНовских) показывают, что основой формирования семейно-демографической политики должна стать гарантия реализации ориентации населения на брак и двух-, трехдетную семью, изменения самого отношения общества к семье и возрождение семейных ценностей, которые бы находили воплощение в конкретном поведении членов общества и семейных пар. Сегодня институт семьи преобразуется, о чем свидетельствуют и результаты исследования, проведенного лабораторией социологии в 2008 году².

Социальный портрет современной среднестатистической семьи Пермского края (ее так называемая эмпирическая модель) выглядит следующим образом: это, преимущественно, полная семья (в 64,5 % случаях, с учетом числа всех респондентов – и семейных, и холостых, и одиноких, с точки зрения ведения домохозяйства), в 47,4 % случаях – однодетная,

² Исследование «Браки и разводы в Пермском крае: причины, факторы, тенденции» выполнено по госконтракту № 2008/383 по заказу Департамента развития человеческого потенциала Правительства Пермского края. Объем выборки: 2027 чел. опрошено в 14 поселениях Пермского края.

в 25,3 % – двухдетная и 5 % – многодетная, каждая 5-я полная семья не имеет детей. Наряду с полной семьей фигурирует и ее неполноценная форма, если можно так сказать, «усеченная» форма с точки зрения отсутствия одного из родителей – семья неполная, таких семей в общей выборке 14,9 %, т.е. каждая 6–7-я семья. Из числа неполных семей более половины являются однодетными, чуть более 1/3 – двухдетными и каждая 10-я – многодетная.

Если взять за критерии отнесения к семье наличие трех ее важнейших составляющих: супружество, родительство – родство и наличие совместного быта, ведение единого домохозяйства, то к числу полноценных семейных групп относятся лишь чуть более половины респондентов, идентифицирующих свой семейный статус с женатыми, состоящими в зарегистрированном браке с детьми или без детей (54,6 %). Около же трети респондентов (31,7 %) относятся к таким «семейным группам», где отсутствует либо элемент супружества, основанного на регистрации семейно-брачных отношений, либо ведение совместного домохозяйства – это состоящие в незарегистрированном браке, одинокие матери (отцы), разведенные и вдовы с детьми.

Три из четырех семей с точки зрения числа поколений, проживающих совместно, относятся к нуклеарному типу и только каждая 5-я семья – к расширенному (соответственно 72,6 и 21,2 %). По возрасту супругов в наибольшей мере представлена семья зрелая (50,5 %), доля молодых семей (до 30 лет) составляет 22,7 %, доля пожилых семей (старше 55 лет) – 9,1 %, кроме того, в значительном процентном соотношении представлены семьи, где супруги относятся к разным возрастным когортам (в общей сложности 17,7 % семей). В целом по выборке доля респондентов в благоприятном для репродуктивного поведения возрасте составляет 33,4 % (до 30 лет), 1/5 часть респондентов – в возрасте от 31 до 40 лет, что также относится к фертильной группе (без учета половой принадлежности). Возраст супругов находится в определенной взаимосвязи со стажем их совместной жизни. Если взять в качестве среднего возраста вступления в брак 23 года, то все стадии семейной жизни, брачные периоды представлены примерно в равном процентном соотношении (до 5 лет – 17,4 %, от 5 до 15 лет – 17,8 %, от 15 до 25 лет – 13,9 % и свыше 25 лет – 15,4 %).

Среднее число человек в семье – 3,5, из них 2 работают. С точки зрения соотношения работающих и неработающих членов семьи невозможно однозначно сказать, какой тип семьи доминирует: все они представлены примерно в равном удельном весе (25–28 %), с незначительно мень-

шей представленностью семей, где иждивенцев больше, чем работающих (21,0 %), и меньшим удельным весом семей, где все члены семьи работают (14,7 %). Таким образом, из простого арифметического действия следует, что семьи, представленные в исследовании (чуть более половины), не очень отягощены иждивенческой нагрузкой, на одного члена семьи приходится примерно одинаковая материально-трудовая нагрузка обеспечения семьи. Это подтверждается тем, что в 63,3 % семей оба супруга работают, в каждой 5-й – один из супругов работает, а другой – нет (что, в принципе, соотносится с числом респондентов, находящихся в декретных отпусках, являющихся постоянно или временно неработающими, а также числом респондентов-пенсионеров в той или иной подгруппе супругов). Число же семей, где оба супруга пенсионеры, равно 7,9 % и соответствует числу пожилых с точки зрения возраста супругов (19,1 %).

2/3 семей основаны на первом браке, по крайней мере, одного из супругов. Каждая 6-я семья является повторным браком – в 10,7 % случаев основана на втором браке и в 1,5 % – на третьем и более. Большинство семей являются однонациональными (83,8%) и только каждая 6-я – разнонациональной. Совместную жизнь с нынешним супругом (супругой) до регистрации брака вели чуть меньше опрошенных, чем те, кто проживали раздельно (соответственно 44,3 и 55,5 %).

Семья, которую репрезентативуют респонденты данного исследования, – это семья полная, по преимуществу однодетная (при наличии ожидаемого репродуктивного поведения до двухдетной семьи – 39,4 %, в некоторых случаях – до трех и более детей, 13,2 %), основанная на зарегистрированном браке.

Вместе с тем другим вариантом семейных структур является семья неполная, где пара мужчины и женщины состоит в незарегистрированном браке, а также где отсутствует один из родителей. Причем в таких семьях помимо того, что в значительном удельном весе представлена двухдетная семья, здесь еще и больше, чем в полных (исходя из 100 % по типу семьи) семьях, число детей свыше трех.

Материальная обеспеченность семьи является, с одной стороны, показателем успешности ее функционирования, а с другой – важным фактором, который обуславливает особенности внутрисемейных отношений и может выступать стимулом или препятствием к тому или иному семейному поведению, в том числе и репродуктивному. В самом общем виде материальное положение большинства семей может быть охарактеризовано «на уровне прожиточного минимума», причем их субъективная

оценка своего материального благосостояния нашла подтверждение в средней величине дохода на одного члена семьи. Вместе с тем четверть семей живет ниже прожиточного минимума (им не хватает имеющихся доходов даже на самое необходимое, и им часто приходится занимать деньги на удовлетворение витальных потребностей). Если принять во внимание, что средняя величина прожиточного минимума, официально установленная на IV квартал 2008 года по Пермскому краю, составляет 4964 руб., то свыше 35 % опрошенных и их семей имеют доход на одного члена семьи менее 4000 руб. Напротив, выше прожиточного минимума оценивают свое материальное положение и материальное положение своих семей 19,4 % респондентов, т.е. каждый пятый (при средней величине доходов на одного члена семьи 8419 руб.).

Таким образом, четко вырисовывается социально-стратификационное деление семей Пермского края по их материальному статусу, при котором велик удельный вес семей, которые могут решить без посторонней помощи возникающие у них материальные трудности и проблемы. Материальное же положение половины семей вполне соответствует среднестатистическому региональному уровню. Сравнивая субъективные оценки материального положения с уровнем реальных доходов на каждого члена семьи, а также с представлениями респондентов о наиболее предпочтительном его уровне, на этом фоне четко вырисовывается повышение благосостояния населения в условиях роста социальной дифференциации. В связи с чем усиливаются потребности материальные по своей природе, и когда все проблемы кажутся разрешимыми только в спектре увеличения материального стимулирования и улучшения качества жизни для большинства семей независимо от того, насколько реально действительно остро стоят для них материальные трудности.

В структуре общих жизненных ценностей ориентация на благополучную, крепкую семью занимает 2-е место по степени значимости, пропустив вперед только здоровье (соответственно 61,3 и 76,5 % выборов). Близко к данной ценности фамилизма приближается ориентация на достижение материального благополучия, жизненного комфорта (53,7 %) и хорошего образования (47,8 %). Другие ценности, связанные с реализацией собственного профессионального и культурно-творческого потенциала, располагаются либо в середине, либо в конце выделенной иерархии. Иначе говоря, в целом ценности семейного образа жизни доминируют на фоне индивидуалистических ценностей, связанных с самореализацией и самоидентификацией личностного потенциала.

Среди непосредственно семейных ценностей, условий успеха семейной жизни, прежде всего, доминируют:

1) нормальные материальные и жилищные условия жизнедеятельности индивида в семье (соответственно 76,2 и 65,2 %);

2) психоэмоциональные условия (любовь – 64,8 %, супружеская верность – 54,1 %, гармония в интимных отношениях – 45,2 %, доверие, уважение, взаимопонимание между супругами – 61,0 %), условия взаимоотношений между супругами;

3) наличие в семье детей, их благополучие (61,4 %);

4) налаженный быт, распределение семейных ролей (соответственно 54,7 и 20,3 %) и т.д.

В чем же в таком случае проявляются кризисные явления в функционировании института семьи как этапа преобразования данного сегмента общественных отношений? Подобного рода вывод был сделан на основе анализа отношения респондентов к тем или иным институциональным характеристикам брачности и семейности.

Во-первых, при относительно высоком уровне принятия традиционных форм организации семейной жизни (таких, как совместное проживание семейной пары с детьми – 77,6 % относятся положительно, многодетная семья – 69,1 %, межнациональный брак – 48,4 %) наблюдается толерантное отношение к таким формам брака, которые в истинном своем понимании к нему относятся с большой натяжкой, в определенном смысле их следует рассматривать как негативное следствие адаптации респондентов к изменяющимся условиям существования, под влиянием социально-экономической трансформации и модернизационных преобразований общественной системы в целом. Так, с пониманием к «гражданскому браку» относятся 47,5 % опрошенных, к неполной семье – 42,3 %, к бездетной семье – 41,9 %. При этом нежелание мужчин или женщин иметь детей вообще одобряют лишь 11,9 %. Путем некоторых умозаключений мы можем прийти к выводу, что под бездетными семьями часть респондентов, возможно, понимают те семьи, которые в силу особенностей своего здоровья, физического состояния не могут иметь детей, и потому они к таким «бесплодным семьям» относятся с пониманием. Вместе с тем наличие таких семей в обществе приветствуется, однако, когда повсеместно пропагандируют патронатное воспитание и усыновление детей, наличие подобных установок в общественном сознании в отношении бездетных семей крайне невыгодно, как с политической, так и социально-демографической точек зрения.

Во-вторых, рождение детей вне брака становится нормой в сфере семейно-брачных отношений. Положительно, с пониманием к данному явлению относятся 52,9 % опрошенных, и лишь 21 % его осуждают. Такое поведение женщин оправдывают 41,4 % респондентов, причем 25,8 % считают, что женщины сознательно решают рожать и воспитывать ребенка без мужа, потому что сейчас трудно создать благополучный брак, и 15,6 % полагают, что женщины идут сознательно на этот шаг, потому что считают себя независимыми и способными самостоятельно воспитать ребенка. Другая, несколько большая, часть респондентов (50,2 %) считают, что подобный поступок женщин зачастую мотивирован либо собственным желанием, которое не воплощается в наличии соответствующих условий, необходимых для полноценного воспитания ребенка, либо является следствием случайной беременности, отказаться от которой они не смогли (соответственно 21,5 и 28,7 %). Итак, в среднем лишь в каждом втором случае рождение ребенка вне брака – это сознательный выбор женщины, и данный ее выбор общество в лице своего большинства принимает и поддерживает, что, в принципе, негативно сказывается на социальном здоровье общества. Поскольку такие одинокие матери создают для общества и государства множество проблем, они нуждаются в большей социальной поддержке. На фоне их относительно более социально защищенного положения оказываются полные семьи с детьми, супружеские отношения которых официально зарегистрированы. Государственная поддержка им предоставляется в последнюю очередь. Таким образом, поддерживая внебрачные рождения, общество дестабилизирует семейно-брачную сферу. А если учесть, что именно семья является главным социальным институтом, который выполняет физическое и социальное воспроизводство общества, то само общество в данном случае ставит под угрозу свою социальную безопасность и целостность.

В-третьих, аборт как норма института семьи вызывают неоднозначное отношение у опрошенных: треть относится к ним с пониманием, еще треть – напротив, с осуждением, каждый 5-й респондент проявляет безразличие. При этом большинство респондентов (60,2 %) в случае незапланированной беременности предпочли бы оставить ребенка, и лишь треть предпочла бы сделать аборт. Вместе с тем внутрисемейное регулирование рождаемости как осознанный и ответственный подход к рождаемости и родительству приветствуют абсолютное большинство участников опроса. Категорически же против него настроены только 4,8 %. Что касается репродуктивного поведения самих респондентов, то 56,9 % изначально со-

вместно со своим супругом (супругой) были настроены обзавестись детьми, 12,4 % семейных пар рассматривают появление, рождение первого ребенка как атрибут и следствие своего семейного статуса, отсутствие обоснованной мотивации при рождении ребенка характерно для 26,3 %. Таким образом, рождение детей у опрошенных (респондентов) не всегда есть следствие запланированного репродуктивного поведения, которое в некоторых случаях (очень редких) приводит к негативным результатам: так, 3,2 % респондентов, оценивая свое прошлое и трудности, с которыми им пришлось столкнуться, испытывают сожаление, что завели детей.

В-четвертых, разводы как норму семейной жизни воспринимают 53,8 % респондентов, с осуждением к ним относятся 22,2 % из них. У опрошенных достаточно терпимое отношение к разводу как способу регулирования внутрисемейных проблем и конфликтов: почти половина считает его допустимым в любых случаях, когда супруги хотят расстаться. Такое отношение к разводу у населения выступает условием, механизмом, снижающим ценность семейно-брачных отношений, развод становится наиболее популярным вариантом решения семейных проблем. Наиболее часто причинами разводов, по мнению опрошенных, выступают: 1) охлаждение чувств между супругами, утрата любви (58,8 %); 2) супружеская неверность, алкоголизм, наркомания одного из супругов (по 57,1 %); 3) грубость, насилие одного из супругов (40,2 %); 4) материальные проблемы, низкий уровень доходов (34,9 %); 5) намерение завести новую семью (32,5 %); 6) проблемы в сексуальных отношениях (27,7 %), т.е. это, в основном, причины социально-психологического характера, а также девиантного поведения одного из супругов. Данные причины разводов подчеркивают, что семья сегодня воспринимается как психологическая общность супругов, которая выступает своеобразным оплотом стабильности и защищенности, когда же в семье ставится под угрозу индивидуально-личностная природа одного из супругов, когда семья не обеспечивает психологическую близость, которая может выражаться в различных видах семейных взаимоотношений, то такая семья распадается.

Допускают развод как крайнюю меру треть респондентов, а примерно десятая часть считают его вообще неприемлемым ни в коем случае (соответственно 34,9 и 11,7 %).

В-пятых, 59,4 % респондентов считают вступление в официальный брак предпочтительной формой организации семейных отношений. Однако каждый 5-й опрошенный полагает, что вступление в брак необязательно, можно жить со своим любимым человеком и просто так. По мне-

нию 8,6 % в наши дни вообще лучше жить одному. Среди причин отказа некоторых людей от создания семьи, заключения брака фигурируют, с одной стороны, материальные проблемы и трудности, а с другой – стремление людей к независимости, самостоятельности и личной самореализации в досуговой, профессиональной сфере, но никак не семейной.

На основе полученных данных можно выделить основные проблемные зоны семейно-брачных отношений населения Пермского края как показатели проявления кризисных явлений в этом сегменте социального развития российского общества:

1. Трансформация традиционных семейных ценностей и установок:

- повышение роли материальных, прагматических ценностей, приоритет личного интереса и свободы действий в структуре семейных ориентаций, повышение роли индивидуалистических и антифамилистических ценностей и мотивов в ущерб психоэмоциональным и внутрисемейным (последние оказались вытесненными на периферию общей структуры жизненных ценностей);

- снижение на поведенческом уровне ценности брака как оптимальной формы организации семейной жизни (каждый 6-й опрошенный не намерен вступить в брак);

- терпимое отношение общества к гражданским бракам, неполным и бездетным семьям;

- достаточно терпимое отношение к разводам как «нормальной» форме разрешения семейных конфликтов (мнение трех из четырех опрошенных);

- толерантное отношение к внебрачным рождениям (лишь каждый 5-й респондент относится к ним негативно, с осуждением);

- одобрительное отношение к добрачным сексуальным связям при достаточно широком осуждении ранних сексуальных связей.

2. Неблагоприятная структура семейной организации населения Пермского края:

- относительно высокий удельный вес неполных семей (разведены, вдовы с детьми), а также лиц, состоящих в незарегистрированном браке, что повышает социально-бюджетную нагрузку на соответствующие государственные структуры и создает базу для различного рода социальных девиаций;

- относительно широкое распространение неинституционализированных (неформализованных) форм семейной жизни: на четыре зарегистрированных брака приходится один незарегистрированный;

- сохранение тенденции к нестабильности созданных семей (больше всего распадается молодых семей со стажем брака до 3 лет (до 30 %);
- высокая доля бездетных семей (по данным исследования, каждая 5-я семья не имеет детей).

3. Деформационные процессы во внутрисемейных взаимоотношениях и поведении:

- превращение конфликтов как способа разрешения разногласий в норму внутрисемейных отношений (2/3 опрошенных указали на применение такой формы, а каждый 5-й признал факт насилия в семье, причем каждый 10-й считает это допустимым);
- возрастание деструктивной роли девиаций в кризисе современной семьи (в иерархии причин конфликтных ситуаций злоупотребление алкоголем находится на 2-м месте, а среди причин развода – на 2–3-м местах; в конфликтно-нестабильных семьях данную проблему отмечает большинство респондентов – 60,2 %, а каждый 5-й имеет опыт знакомства с наркосодержащими веществами);
- снижение роли трансляционных процессов семейных норм, ценностей и стандартов поведения в связи с доминированием нуклеарной семьи и сокращением доли расширенных семей (соответственно 72,6 и 21,2 %);
- превращение совместного проживания с будущим супругом (супругой) до регистрации брака в социальную норму поведения (44,3 % респондентов проживали совместно).

4. Изменения в репродуктивных установках и поведении:

- доминирование в структуре семьи однопородных и малолетних семей (соответственно 40,3 и 23,2 %);
- противоречие между вербальной ориентацией на 2–3-детную семью и нежеланием значительной части респондентов иметь детей вообще (мнение каждого 5–6-го среди тех, кто только вступает в брак), иметь одного ребенка (каждый 8-й), т.е. фактически треть респондентов выпадает из процесса репродукции, достаточного хотя бы для стабилизации региональной социально-демографической ситуации;
- возрастание доли детей, рожденных вне брака (на это указали 13,2 % всех опрошенных, а в конфликтно-нестабильных семьях – 20,5 %);
- разрыв преемственности в репродуктивном поведении родителей и детей: среднее число детей в родительской семье – 2,6, среднее ожидаемое число детей – 1,53, реальное число детей на данный момент – 1,03.

5. Организационно-управленческие проблемы реализации семейной политики как показатель разобщенности населения и власти:

- высокий уровень патерналистской ориентированности опрошенных в решении сложных семейных проблем при слабой надежде на оказание такой помощи со стороны государственных структур различного уровня (патерналистски ориентированы 67,2 % опрошенных, реально рассчитывают на такую помощь – 13,5 %) и нереализованности собственного высокого потенциала в решении данных проблем (62,7 % рассчитывают только на себя);

- низкая включенность опрошенных в предлагаемые формы помощи (в них участвуют от 1,2 до 8,1 % респондентов);

- низкий уровень удовлетворенности работой государственных структур (от 1/5 до 1/3 опрошенных удовлетворены их работой);

- слабая результативность работы учреждений и организаций, занимающихся вопросами семьи (от 3,5 до 26,3 % респондентов смогли решить свои проблемы, с которыми обращались в данные организации и учреждения).

Как следует из приведенных данных, современная российская семья воплощает в себе все дефинирующие проявления кризиса, отмеченные в начале настоящей статьи. Так, отражением глобальных процессов позитивной направленности является рост социокультурной составляющей (рост уровня культуры, возрастание ценностей свободы, в частности свободы выбора, повышение общей толерантности), одно из негативных следствий – снижение рождаемости и сокращение числа детей в семье. Российская специфика, отражающая застойно-консервативные особенности российского социума, проявила себя в доминировании патерналистских и социально-иждивенческих настроений, в нежелании и неумении самостоятельно и инициативно выстроить свой семейный мир, а распространенность таких негативных явлений, деструктантов семейных отношений, как пьянство, наркомания, предпочтение агрессивных вариантов разрешения семейных конфликтов, материальное неблагополучие в семье, демонстрирует корневые историко-культурные противоречия российского перехода к современному обществу.

Получено 14.05.2009